

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

МЕСТО ПОД НАЗВАНИЕМ
«СВОБОДА»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

A PLACE CALLED FREEDOM

Перевод с английского *И. Моничева*

Компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Место под названием «Свобода» : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-110029-2

1767—1770 годы, угольные шахты Шотландии, порты Лондона, табачные плантации Америки.

Простой шахтер Макэш по прозвищу Мак и аристократка Лиззи Хэллим. Что у них может быть общего?

Тем не менее они постоянно сталкиваются на жизненном пути, попеременно спасая друг друга от смертельных опасностей, сближаются, влюбляются и в итоге вместе обретают вожаденную свободу, к которой шли разными путями.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1995

© Перевод. И. Моничев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-110029-2

Мне пришлось много заниматься садоводством, когда я только переехал в особняк Хай Глен, и вот как получилось, что я сумел найти тот железный ошейник.

Дом сильно обветшал, а сад буйно и беспорядочно разросся. Полубезумная старая леди, прожившая здесь до меня двадцать лет, ни разу не удосужилась хотя бы покрасить стены фасада. Она умерла, и я приобрел усадьбу у ее сына, владевшего автосалоном фирмы «Тойота» в Киркберне, ближайшем городке, расположенном в пятидесяти милях от Хай Глена.

Вам может показаться странным, зачем человеку понадобилось покупать запущенный старый особняк в пустынной местности, где больше не живет никто в радиусе пятидесяти миль. Но я истинно влюблен в эту долину. В здешних лесах бродят непуганые олени, а на вершине горной гряды выют гнезда орлы. Работая в саду, я значительную часть времени проводил в праздности, стоя, опершись на лопату и любуясь сине-зелеными склонами гор.

Но и покопаться в земле мне довелось изрядно. Я решил посадить кусты вокруг отхожего места. Это далеко не радующая глаз постройка, обшитая грубыми досками, лишенная даже окон, и мне захотелось скрыть ее зарослями кустарника. Роя траншею для живой изгороди, я наткнулся на ящик.

Он оказался не слишком велик. В подобные ящики обычно помещается дюжина бутылок хорошего вина. И внешне он не был ничем примечателен: простые, не покрытые лаком деревянные планки, скрепленные проржавевшими гвоздями. Лезвием своей лопаты я сломал крышку.

Внутри обнаружили два предмета.

Одним из них была большая старинная книга. Меня ее вид привел в радостное предвосхищение. Вдруг это древняя семейная библия с интригующей историей, написанной от руки на форза-

це, — даты рождений, бракосочетаний и смертей тех людей, которые жили в моем нынешнем доме сто лет тому назад? Однако меня подстерегало горькое разочарование. Стоило мне открыть обложку, как я увидел, что страницы раскисли и стерлись. Невозможно стало разобрать ни единого слова.

Другим предметом, извлеченным мной из ящика, стала клеенчатая сумка. Она тоже насквозь сгнила и буквально рассыпалась, как только я взял ее садовничьими перчатками. В развалившейся сумке лежало железное кольцо диаметром примерно в шесть дюймов. Кольцо потускнело и достаточно сильно пострадало от времени, но клеенка все же уберегла его от сколько-нибудь значительного повреждения ржавчиной.

Выглядело оно грубо сработанным. Вероятно, кольцо было изделием простого деревенского кузнеца. Мне поначалу показалось, что это какая-то часть телеги или плуга. Но в таком случае зачем кому-то понадобилось так тщательно хранить ее в клеенке? Кроме того, кольцо не было полностью замкнутым и сильно погнулось. И я поневоле стал видеть в нем ошейник, который вынудили носить заключенного. Когда невольник сбежал, он сначала с помощью какого-то инструмента сломал кольцо, а потом погнул, чтобы снять.

Я принес этот предмет в дом и принялся очищать его вручную. Но работа продвигалась слишком медленно, и мне пришлось в голову погрузить кольцо на ночь в патентованную жидкость против ржавчины, чтобы снова попытаться следующим утром. Теперь по мере того, как я полировал железо с помощью лоскута грубой ткани, стала отчетливо проступать надпись.

Она была выгравирована старомодными буквами с затейливыми завитками, и мне потребовалось некоторое время, чтобы разобрать текст. Вот что он гласил:

«Этот мужчина является частной собственностью сэра Джорджа Джеймиссона из Файфа. 1767 г. н. э.»

Кольцо и сейчас лежит на моем письменном столе рядом с компьютером. Я использую его как пресс-папье. Я частенько беру его и начинаю крутить в пальцах, вновь и вновь перечитывая надпись. Если бы железный ошейник умел говорить, думаю я в такие минуты про себя, какую историю он смог бы нам поведать?

Часть I

ШОТЛАНДИЯ

Глава первая

Снег увенчал вершины гор Хай Глен и лежал среди поросших лесами склонов жемчужными пятнами, напоминавшими ювелирные украшения под вырезом платья из зеленого шелка. В самой низкой части долины стремительный речной поток прокладывал себе путь мимо покрытых ледяной коркой обломков скал. Злобный ветер с завыванием нес сюда со стороны Северного моря то град, то смесь снега с дождем.

Утром по пути в церковь близнецы по фамилии Макэш — Малакай и Эстер — следовали зигзагу тропы вдоль восточного склона холма, спускавшегося в долину. Малакай, известный под прозвищем Мак, носил клетчатую кепку и бриджи из твида, но его оставшиеся обнаженными ниже коленей ноги, как и ступни без носков, сильно замерзли в деревянных башмаках-сабо. Но он был молод, в нем играла горячая кровь, и потому едва ли вообще замечал холод.

Они избрали не самую короткую дорогу до церкви, но Хай Глен всегда завораживал и притягивал к себе Мака. Высокие, крутые горы, тихие, загадочные леса и веселое журчание бегущей воды создавали пейзаж, радовавший его душу. Он уже успел пронаблюдать, как пара орлов выкормила здесь три выводка птенцов. Подобно орлам, он тоже тайком от хозяев этой земли ловил лососей в кишевшей ими реке. И перенимал повадки оленей, прятавшихся среди деревьев, застыв в беззвучной неподвижности, чтобы появиться егерям.

Землевладелицей была женщина — леди Хэллим, вдова, имевшая дочь. А вот территория у самой дальней части горного хребта

принадлежала сэру Джорджу Джеймиссону, и там все выглядело совершенно иначе, словно в каком-то другом мире. Инженеры пробили огромные дыры в склоне горы. Рукотворные пирамиды шлака обезобразили вид долины. Массивные крытые телеги с углем бороздили грязную дорогу. А река почернела от пыли. Именно там и жили близнецы в деревне, называвшейся Хьюк и образованной длинным рядом приземистых каменных домов, постепенно взбиравшихся вверх, как ступени лестницы.

Брат и сестра являли собой мужской и женский варианты одного и того же образа. У обоих были светлые волосы, всегда чуть потемневшие от угольной пыли, и поразительно красивые бледно-зеленые глаза. Оба отличались невысоким ростом и широкими спинами с хорошо развитой мускулатурой рук и ног. Оба имели упрямые и своенравные характеры.

Споры между собой они унаследовали как семейную традицию. Их отец всегда слыл непримиримым инакомыслящим, не желавшим подчиняться ни правительству, ни церкви, ни какой-либо другой власти. Мать до замужества работала на леди Хэллим и, как многие приближенные к господам слуги, причисляла себя к высшему общественному классу. Одной особенно суровой зимой, когда шахта на месяц закрылась после взрыва, отец умер от черной чахотки — силикоза, погубившего стольких углекопов. Мама заболела воспалением легких и последовала за ним в могилу через несколько недель. Но споры продолжались и происходили обычно субботними вечерами в заведении миссис Уейгел — единственном месте в Хьюке, напоминавшем настоящую таверну.

Прислуга из усадьбы и мелкие окрестные фермеры продолжали поддерживать точку зрения их мамы. Они утверждали, что власть дана королю самим богом и потому людям следовало быть покорными ему. А вот шахтеры успели поднабраться новых идей. Джон Локк и другие философы настаивали: источником любой власти может быть только добровольный выбор народа. Эту теорию разделял и Мак.

Очень немногие в шахтерских семьях Хьюка умели читать, но матушка Мака была грамотной, и он убедил ее обучить его. Она дала домашнее образование обоим своим детям вопреки ворчанию

мужа, что она не по одежке протягивает ножки, замахаясь на привилегию, недоступную людям, ее окружавшим. У миссис Уейгел Мака неизменно просили читать вслух газеты «Таймс», «Эдинбургский вестник» и политические издания вроде радикального журнала «Северный британец». Газеты всегда были недельной, а то и месячной давности, но мужчины и женщины из деревни с живым интересом слушали длинные речи, изложенные дословно, сатирические обличения, репортажи о забастовках, маршах протеста и бунтах.

После одного из привычных субботних споров у миссис Уейгел Мак и написал свое письмо.

Ни один из шахтеров никогда прежде не писал писем, а потому последовали продолжительные обсуждения каждого слова в послании. Оно было адресовано Каспару Гордонсону, лондонскому юристу, публиковавшему в различных изданиях статьи, высмеивавшие деятельность правительства. Отправить письмо доверили Дейви Пэтчу, одноглазому уличному торговцу-разносчику, и Маку оставалось только гадать, доставят ли его по нужному адресу.

Ответ пришел только вчера, и это стало самым волнующим событием, какое когда-либо происходило в жизни Мака. Теперь его судьба радикальным образом изменится, думал он. Быть может, он даже получит свободу.

Сколько Мак себя помнил, он стремился обрести свободу. Еще ребенком он даже завидовал Дэйви Пэтчу, бродившему из деревни в деревню, где продавал ножи, мотки веревки и книжки с текстами древних баллад. В образе жизни Дэйви маленького Мака привлекало прежде всего то, что он мог просыпаться с восходом солнца и ложиться спать, когда чувствовал усталость. Самого Мака с семилетнего возраста мать будила посреди ночи, после чего он пятнадцать часов трудился в шахте, заканчивая смену в пять вечера, а после, шатаясь от переутомления, добирался до дома и часто засыпал прямо над поданной к ужину овсянкой.

Ныне Мак уже не хотел торговать с лотка, но по-прежнему жаждал совсем иной жизни. Он мечтал построить для себя дом в такой же долине, как Хай Глен, на клочке земли, который мог бы считать своим собственным. О работе с рассвета до заката,

чтобы иметь возможность отдыхать в темные ночные часы. Ему хотелось свободно отправляться на рыбалку солнечным днем в место, где лососи принадлежали не землевладельцу, а любому, кто сумеет поймать рыбину. И письмо, которое он держал сейчас в руке, означало, что его мечты смогут однажды сбыться.

— Я все еще не уверена, следует ли тебе прочитать письмо вслух всем, кто придет к церковной службе, — сказала Эстер, пока они продолжали шагать по промерзшей земле тропы вдоль склона холма.

Мак тоже не был ни в чем уверен, но спросил:

— А почему бы и нет?

— Могут возникнуть неприятности. Рэтчет придет в ярость. — Гарри Рэтчет был надсмотрщиком, управлявшим шахтой от имени владельца. — Он может даже пожаловаться сэру Джорджу, и только представь, что они потом сделают с тобой!

Он знал, что сестра права, и его сердце трепетало от страха. Но это не помешало ему возразить ей.

— Если я сохраню письмо только для себя, то в нем не будет никакого смысла, — заметил он.

— А разве ты не можешь показать письмо Рэтчету с глазу на глаз? Он вполне способен разрешить тебе одному уйти тихо, не создавая большого переполоха.

Мак искоса бросил взгляд на сестру. Насколько он мог судить, она не поддавалась догматическому настрою. Эстер выглядела скорее встревоженной, нежели стремившейся победить в споре. Он почувствовал волну нежности к ней. Что бы ни произошло, она всегда останется на его стороне.

Но он все равно упрямо помотал головой.

— Я не единственный, кого касается содержание этого письма. Есть еще, по крайней мере, пятеро парней, которые захотели бы сбежать отсюда, если бы только знали, что они могут это сделать. И как насчет будущих поколений шахтеров?

Она пристально посмотрела на него.

— Возможно, ты прав. Но подлинная причина состоит не в этом, верно? Ты хочешь встать перед всеми в церкви и доказать, что хозяин шахты нарушает закон.

— Вовсе нет! — воскликнул Мак. Но потом ненадолго задумался и усмехнулся. — Хотя в твоих словах заключена доля истины. Мы наслушались столько проповедей о том, что должны повиноваться закону и подчиняться людям, более достойным, чем мы сами. А теперь мы узнали, что все это время нам лгали по поводу одного из законов, который влияет на жизни нас всех. Разумеется, я хочу подняться и объявить об этом во весь голос.

— Не стоит давать им повод наказать тебя, — с той же обеспокоенностью сказала она.

Он попытался успокоить ее.

— Я буду вести настолько себя вежливо и смиренно, насколько смогу. Ты меня просто не узнаешь.

— Смирненно! — В ее тоне звучал скептицизм. — Хотела бы я на это посмотреть.

— Я всего лишь собираюсь растолковать смысл закона. Разве в этом есть что-то неправильное?

— Слишком неосторожно.

— Да, неосторожно, — согласился он. — Но я готов так или иначе пойти на риск.

Они пересекли гребень холма и стали спускаться по его противоположному склону обратно к «Угольной шахте Глен». И чем ниже спускались, тем менее холодным становился воздух. Вскоре показалось небольшое каменное здание церкви, стоявшей рядом с мостом, переброшенным через грязную здесь воду реки.

Поблизости от церкви теснилось несколько лачуг мелких фермеров. Это были круглой формы хижины с открытым очагом в центре земляного пола и с отверстием в крыше вместо дымохода. В единственной комнате на протяжении всей зимы обитали и люди, и скот. Дома шахтеров, стоявшие выше и ближе к входам в шахту, выглядели намного лучше. Хотя полы в них тоже были земляными, а кровли покрыты дерном, в каждом из них имелась настоящая печь с трубой, а маленькие оконца у дверей даже застеклили. Кроме того, шахтерам не приходилось делить внутреннее пространство с коровами. Но все же фермеры считали себя свободными, независимыми людьми, а потому смотрели на горняков сверху вниз.

Однако не вид крестьянских халуп привлек сейчас внимание Мака и Эстер, заставив замереть на месте. Закрытая карета с запряженной в нее парой ухоженных серых лошадей в добротной сбруе стояла перед крыльцом церкви. Несколько дам в широких юбках и в меховых накидках выбирались из экипажа с помощью пастора, придерживая модные кружевные шляпки.

Эстер прикоснулась к руке Мака и указала в сторону моста. По нему как раз проезжал на крупном гнедом охотничьем скакуне, склонив голову под пронизывающим ветром, владелец шахты собственной персоной — хозяин этой части долины сэръ Джордж Джеймиссон.

Его не видели в этих краях уже лет пять. Он постоянно жил в Лондоне, куда неделю нужно было плыть на корабле или добираться две недели каретой. О нем ходили слухи, что когда-то он был считавшим каждое пенни бакалейщиком в Эдинбурге, продавая свечи и джин в небольшой лавчонке на углу, причем не совсем чистым на руку. Но потом один из его родственников скоропостижно скончался в молодом возрасте, и Джорджу достались в наследство и замок, и угольная шахта. На этом скромном основании он сумел создать настоящую империю, простиравшуюся даже в столь невообразимо далекие места, как Барбадос и Виргиния. И стал теперь на редкость уважаемым человеком: баронетом, мировым судьей и членом муниципального совета Уоппинга, отвечавшим за поддержание закона и порядка вдоль всей прибрежной линии Лондона.

Он явно нанес визит в свои шотландские владения, сопровождаемый членами семьи и гостями.

— Что ж, вот и все, — не без облегчения произнесла Эстер.

— О чем это ты? — спросил Мак, хотя мог бы и догадаться.

— Ты теперь не сможешь прочесть вслух текст письма.

— Почему же?

— Малакай Макэш! Не строй из себя круглого дурака! — воскликнула она. — Ты же не станешь делать этого в присутствии самого нашего лорда и хозяина!

— Напротив, — упрямо сказал он. — Так будет даже лучше.

Глава вторая

Лиззи Хэллим наотрез отказалась добираться до церкви в экипаже. Дорога, ведшая туда от замка Джеймиссона, давно превратилась в неровные, покрытые рытвинами колеи, а ее грязные обочины смерзлись, став тверже камня. Поездка обернулась бы ужасающей тряской, карета двигалась бы со скоростью пешехода, а пассажиры прибыли бы на место с большим опозданием, окочевшие и покрытые синяками. Она настояла на том, чтобы отправиться в церковь верхом.

Подобное недостойное высокородной женщины поведение приводило ее мать в отчаяние.

— Не представляю, как ты сможешь когда-нибудь найти для себя хорошего мужа, если станешь вечно подражать во всем мужчинам, — сказала леди Хэллим.

— Уж я-то смогу найти себе мужа, как только пожелаю, — ответила Лиззи. И ведь верно: мужчины постоянно влюблялись в нее. — Проблема заключается в том, чтобы встретить такого, общество которого мне не опротивеет уже за полчаса.

— Проблема в том, чтобы найти жениха не из пугливых, — пробормотала ее матушка.

Лиззи рассмеялась. Они обе были правы. Мужчины влюблялись в нее с первого взгляда, но как только узнавали поближе, спешили в панике отступить. Ее высказывания уже не первый год шокировали сливки общества в Эдинбурге. На своем первом же бале, общаясь с тремя престарелыми вдовами, она заметила, что у главного шерифа города слишком толстая задница, после чего ее репутацию уже ничто не могло улучшить. Весной прошлого года мать привезла ее в Лондон, чтобы ввести в высшие круги английской столицы. Это обернулось катастрофой. Лиззи разговаривала слишком громко, чересчур много смеялась и откровенно издевалась над «изящными манерами» и облегающими нарядами молодых денди, пытавшихся ухлестывать за ней.

— А все потому, что ты выросла в доме, где не было настоящего мужчины, — добавила матушка. — Вот отчего ты выросла такой независимой и своенравной.

С этими словами она села в карету.

Лиззи же пересекла выложенный камнем внутренний двор замка Джеймиссона и направилась к конюшням, расположенным с его восточной стороны. Ее отец умер, когда ей исполнилось три года, и она почти не помнила его. Однажды она поинтересовалась, что погубило папашу, на что мать коротко ответила: «Печень». В подробности она вдаваться не стала. Вот только отец оставил их без гроша в кармане. Годами мать ухитрялась кое-как выживать, закладывая все более и более крупные участки усадьбы семьи Хэллим, дожидаясь, чтобы Лиззи выросла и вышла замуж за состоятельного человека, способного избавить их от материальных затруднений. И вот Лиззи превратилась в двадцатилетнюю девушку — настала пора оправдать возлагавшиеся на нее надежды, исполнить миссию, предназначавшуюся ей судьбой.

Несомненно, что именно по этой причине семья Джеймиссонов решила после долгих лет отсутствия провести свои шотландские владения, а их самыми почетными гостями стали соседи — Лиззи и ее мамаша, жившие от их замка всего в десяти милях. Официальным предлогом для намеченных торжеств был объявлен двадцать первый день рождения младшего сына Джея, но на самом деле целью мероприятия послужило желание Джеймиссонов выдать Лиззи замуж за своего старшего сына — Роберта.

Мать Лиззи благословляла будущий брак, поскольку Роберту предстояло однажды унаследовать огромное состояние. Сэр Джордж приветствовал женитьбу, потому что стремился присоединить земли усадьбы Хэллимов к огромному поместью семьи Джеймиссонов, сделав его еще обширнее. Роберт тоже был не против жениться на красавице соседке, если судить по тому заботливому вниманию, которое он уделял Лиззи с момента ее приезда в замок, хотя кто мог на самом деле разобраться в реальных чувствах к ней Роберта? Чужая душа — потемки.

Сейчас она увидела его стоявшим перед конюшнями в ожидании, пока оседлают лошадей. Он напоминал чертами лица портрет своей матери, висевший в холле замка, — серьезной, не слишком яркой внешности женщины с роскошными волосами, светлыми глазами и неожиданно решительным абрисом линии рта. В нем

не замечалось никаких очевидных изъянов: далеко не урод, не слишком толст, не чрезмерно худощав, не пропах потом, не злоупотреблял спиртным и не одевался с подчеркнутой эlegantностью, как лондонские повесы, уподоблявшиеся модным девицам. Он поистине лакомый кусочек, подумала Лиззи, и если сделает предложение, она, вероятно, ответит согласием. Конечно же, она не влюбилась в него, но крепко усвоила веление долга перед матерью.

Ей захотелось завести с ним легкую и немного шутливую беседу.

— С вашей стороны не очень-то вежливо постоянно жить в Лондоне, — сказала она.

— Не вежливо? Но почему? — Он нахмурил брови.

— Вы оставляете нас совсем без соседей. — Он все еще выглядел слегка удивленным. Начинало казаться, что он не обладал сколько-нибудь развитым чувством юмора. Ей пришлось пояснить свою мысль: — Без вас здесь не остается ни одной живой души до самого Эдинбурга.

— Если не считать сотен семей шахтеров и нескольких деревень, населенных мелкими фермерами и крестьянами, — донесся голос у нее из-за спины.

— Вы знаете, что я имею в виду, — сказала она, оборачиваясь. Мужчина, заговоривший с ней, был для нее незнакомцем. И со своей привычной прямоотой она спросила: — Но кто вы такой, позвольте полюбопытствовать?

— Джей Джеймиссон, — ответил он с поклоном. — Более умный брат Роберта. Неужели вы могли забыть обо мне?

— О, простите мою оплошность! — Она слышала, что он приехал вчера вечером, но не узнала его. Пять лет назад он был на пять дюймов ниже ростом с прыщами на лбу и с лишь легким светлым пушком, покрывавшим щеки. Теперь он стал значительно более привлекательным. Вот только он и тогда не отличался особым умом, и она сомневалась, что в этом смысле с ним произошли разительные перемены. — Да, я вас помню. Все та же самонадеянность.

Он ухмыльнулся.

— В таком случае искренне жаль, что у меня перед глазами не было вас в качестве образца скромности и самоуничтожения, чтобы подражать ему, мисс Хэллим.